

АНДРЕЙ КАНАВЩИКОВ

К ТОПОРУ

Сорвались в чёрную дыру,
Забыли про любовь, про святцы...
Зову Россию к топору,
Зову очиститься, подняться.

Играют в лезвии лучи,
Не нужно думать о хворобах,
Топор получше наточи,
Бессильна плеть, когда есть обух!

Топор в руках и быть добру!
Есть лозунг у моей отчизны.
Зову Россию к топору —
Рубить амбары, храмы, избы.

Хоромы на различный вкус!
И с нами, словно трудоголик,
Великий плотник Иисус,
И на его плече топорик.

ЗОЯ КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ

По морозу гоняли ночью,
Босиком по сугробам вели,
Плетью кожу ей рвали в клочья,
Подбородок окурками жгли.

А когда засунули в петлю,
Только вымолвил гордый рот:
“Вы боритесь с врагом даже смертью,
С нами Сталин! Сталин придёт!”

И с тех пор в разорённых сёлах,
В обездоленных отчих краях
На болотах, в лесах и озёрах
Светит виселицы маяк.

Укатилось за стальные крыши
Солнце, прямо в серебряный лёд.
Потерпите. Вы слышите, слышите?
“С нами Сталин! Сталин придёт!”.

* * *

Дождёмся...
Скажет нам в тоске:
“Руси нет краше в целом свете!”
На чистом русском языке
Китаец, выйдя из мечети.

г. Великие Луки

ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ

В СТРАДУ

Вновь на селе забыли люди роздых:
С июльским зноем подошла страда.
На диких травах настоялся воздух,
И сеном пахнет в родниках вода...

И лишь в окошках свет зари забрезжит,
Шумнёт пастух — и только был таков.
А кто заспит, собаки тем набрешут,
Что мужики ушли до петухов...

А в полдень бабы, позахлопнув ставни,
Несут обед да пиво для косцов
И ловят взглядом в буйном разнотравье
С отцами увязавшихся мальцов...

А мужики поглощены работой,
Но жён своих узрев издалека,
Неторопливо, вроде с неохотой,
К ним подаются в тень березняка.

Погаснет день. Осядут в травах тени.
Дохлая прохлада сумрак от реки.
Речные ивы, замочив колени,
Уронят в воду пыльные платки.

* * *

Здравствуй, лето моё падункое! —
Смех и песни под щебет птах —
Здесь раздолье лугов июньское!
Шаг упруг и широк размах.

Косы тонко над лугом тенькают.
Дали вызвонил сенокосав.
Косари, как ватага Стенькина, —
В этом буйном разгуле трав...

Небо светится синим доньшком,
Распогодилось — знай коси!
Сверху огненной птицей солнышко
Сторожит сенокосав Руси.

г. Братск

МИХАИЛ ГУСАРОВ

* * *

Прохрюкал чёрный “членовоз”,
подальше отгоняя ближних.
И вслед ему из-под колёс
багряно вздыбился булыжник.
Зачем я мимо не прошёл?
Зачем я взял его руками?
Горяч, но влажен и тяжёл
был этот пролетарский камень.
Хотел его на место вновь
я вставить,
но из рук скользнул он..
И на руках осталась кровь,
и встrepенулась площадь гулом.
Качнуло чёрный “членовоз”,
но он успел в воротах скрыться.
А камень я с собой унёс:
наступит время — пригодится.
И, придавая вещей вес
ему — сверкнувшему багряно,
ударил голосом небес
набат Великого Ивана.

г. Москва

ВЛАДИМИР БАЛАШОВ

БОЛЕЮ, ДЕРЖАВА!

Болею, Держава, болею!
Твою нестерпимую боль
В душе я глушить не умею,
Хоть воль ты меня, хоть неволь.
Болею, Держава, болею.
И нянчаю эту беду.
Хотя умереть не сробею,
Поверь, за тебя на роду.
Болею за прошлое деда,
За братьев моих, за отца,
За пьющего вечно соседа,
За бабку с краюшкой хлеба.
...И боли не видно конца.

Болею, Держава, болею,
И будто бы с самых начал
Всю жизнь от того сатанею,
Что всё это вечно встречал:
И в старых седых ветеранах,
И в нищенках, там, где вокзал.
Скажи: “Почему в дальних странах
Такую я боль не встречал?”

Болею, Держава, болею
За всю перекатную голь.
...Прости мне, Господь, за Рассею
(О большем просить я не смею),
За эту бездонную боль!

г. Пермь

ВЛАДИМИР ДЕНИСОВ

ОБЩЕЖИТИЕ ЛИТИНСТИТУТА

Комнатушки прокуренный дых,
Крепкий градус поэм и куплетов...
Мы разлили её на троих,
Коль считать настоящих поэтов.

Был вторым в полуночь бесед,
В переливе бутылочных звонов
Чупурных — ясноглазый поэт,
Составитель стихов и вагонов.

Мудрый мальчик, иронии для
Он без толку не тряс словесами,
И соперников здесь не найдя,
Он с телёнком бодался стихами.

Ну, а первым Анищенко был,
Плыл над ним ореол выпивохи,
Он стихи проживал, как и пил,
Неприкаянный житель эпохи.

Не умеющий жить по уму,
Партбилет оставлял где попало,
А наутро писал про Муму,
Что Герасима так понимала!

Волжским братья по слову
 чета,
Но с уральской простой прямоюю,
Там и я про икону читал,
Что написана грешной рукою.

Нынче, сотню дорог разметав,
На тропу одинокую вышел...
Вон в Самару грохочет состав —
Как живётся вам, Женя и Миша?

Отпереть бы столетья засов,
Оказаться бы в той комнатухе,
Где нам пальцем грозил Кузнецов
И лукаво подмигивал Пушкин.

Где учились мы жить на распыл
И считать человека за брата...
Но Герасим Муму утопил,
И не будет собачке возврата.

г. Уфа

ЮРИЙ КОВЯЗИН

* * *

Как будто конница Мамаю
Повытоптала всё вокруг.
Не узнаю родного края:
То ль это луг, то ли не луг!

Кузнечики здесь стрекотали,
Ромашки белые росли.
И заливались в звонкой дали
Распевистые соловьи.

А ныне — заросли бурьяна,
И лебеда, и молочай.
Нет, не узнать родного края,
А раньше славился мой край.

Когда же луг вновь станет лугом,
Где шмель мечтает мёд собрать.
Терпи, мужай, моя округа,
Хоть ты уже устала ждать.

Всё переменится незримо,
Когда опомнится народ.
Кто без земли мы? Пилигримы.
Без родины мы не народ.

г. Екатеринбург

КРИКОР МАЗЛУМЯН

* * *

Следы любимой матери моей
Повсюду, где бывал я с нею прежде,
Ищу, теряя всякую надежду,
Я много лет, и месяцев, и дней.

Следы любимой матери моей
Под травами, под белыми снегами...
Мечта моя всё горше и больней —
Коснуться вас иссохшими губами.

Следы любимой матери моей
Ищу в листве, ищу в пыли дорожной.
За далью лет, за сумраком ночей
Вас отыскать не в силах, невозможно.

Следы любимой матери моей...
У родника ищу следы родные
И в зеркале его, небес светлей,
Я вижу лик, глаза её святые.

Следы любимой матери моей,
Ищу вас у разбитого порога
Родного дома, у его дверей,
Что в памяти храню ещё немного.

Следы любимой матери моей,
Как я ищу, как долго вас ищу я,
Чтоб искупить грехи минувших дней
Сыновним запоздалым поцелуем.

Следы любимой матери моей...

*п. Лазаревское
Краснодарского края*

Поздравляем нашего автора с 70-летием!

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВ

БУКОЛИКИ

*Многое лучше всего совершается ночью прохладной
Или когда на заре росится земля под Денницей.*

“Георгики”. Вергилий

Хозяйка опару в овчинную кутает шубу,
Высокие сосны скрипят на заснеженных кручах,
Незримый родник замирает в хрустальных чертогах,
А малые дети в домишках, подобно гороху,
На тёплых полатах витают в объятьях Морфея...

Озимые спят, повинясь законам природы,
Мышиные пары живут под стернёй, размножаясь,
В овчарне — ягнёнок пытается встать на колени,
Матёрый подсвинок — мечтает о сладкой подруге;

Голодной волчице — приснилась покорная жертва,
Медведице бурой — поляна лесной земляники,
Дородной крольчихе — кочан белоснежной капусты,
Пчеле медоносной — цветущие травы июля,

Жерёбой кобыле — весенняя встреча с красавцем,
Приятное бремя его потрясающей плоти,
Телёнку — тугое и сладкое вымя коровы,
А ей — бесконечное поле зелёной люцерны,

Которую острой косою мужики подсекают,
Поднявшись с завидной охоткой ещё до рассвета,
Успев по росе завершить основную работу,
Проделав по лугу с десяток заглавных прокосов...

Чуть солнце в зените, садятся в тени пообедать,
Достав из тряпиц и кошёлков домашнего хлеба,
С десяток куриных яиц и зелёного лука,
Смакуя всё это то квасом холодным, то солью,

А после — свистульки строгать конопатым мальчишкам,
Рубахи от пота сушить, покурив, балагурить,
Лапту вспоминая, далёкого детства качели,
Весною взлетающих к небу до самого солнца,
Цветные платки и нарядные кофты красавиц,
Сердечный озноб от внезапного прикосновенья...
На волнах незримых в приятные сны уплывая,
Оставив воронам, сорокам да юрким полёвкам
Лишь жалкие крохи от щедрого пира земного...

г. Владивосток

ОКСАНА РАХМАНОВА

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

Мы однажды вдвоём
Наш старинный альбом отыскали.
Фотографии в нём
Пожелтели и тусклыми стали.

Но виднеется след —
Фронтовые, тяжёлые будни...
Это, братик, наш дед —
Выпал век ему страшный и трудный!

Много лет утекло,
Зарастают траншеи цветами.
Но ещё до сих пор
Вспоминаем войну со слезами.
Слава нашим бойцам,
Их пути до последнего шага!
...Улыбается нам
Кареглазый солдат у рейхстага.

г. Великие Луки

МИХАИЛ ПАЛИЕВСКИЙ

МАЙ

Памяти И. Д. Новикова

Солнцем нагретые дали,
Белой черёмухи цвет.
Май в орденах и медалях
Молча кивнул мне в ответ.

Шёл он походкой неспешной.
Спешка в годах — ни к чему.
День этот радостный, вешний
Снова напомнил ему

Бой в окруженье, в болотах
(Только б дойти до своих!),
Горстка патронов на роту,
По одному на троих.

Вспомнил берлинские плацы,
Песни, гармонь — до утра,
Крики счастливые: “Братцы!
Наша победа! Ура!!!”

Как же давно это было...
Годы летят — не вернуть.
Сердце вдруг больно заныло,
Сел на скамью отдохнуть.

Вынул кисет в незабудках —
Память тех лет не пустяк.
Долго крутил самокрутку —
Всё просыпался табак.

Запах махорки мешался
С запахом свежей листвы,
Вдруг за спиной: “Отыскался!
Дедушка, что это вы?”

Мы вас искали, искали,
К вам заходили раз пять,
Если б не ваши медали,
Издали вас не узнать!”

Флаги на солнце атели,
Пели скворцы вразнобой,
Май шёл по вешней аллее —
Стройный, седой, молодой!

г. Москва

ЛИДИЯ ПОЛЯКОВА

* * *

Берёза старая над низкою оградой.
Теплом глубинным розовела береста...
Твоей последней и единственной наградой
Была надежда православного креста.

Что стало памятью о женщине прелестной —
Давно ушедшей Марфе, бабушке моей?
Она была женой — рачительной и честной —
И матерью двух крепких сыновей.

Платочек белый из-под пёстрога покрова
И сединой ещё не тронутый висок...
Как подходила к ней нарядная обнова —
В оборках кофта и узорный поясок.

Крестьянка русская минувшего столетья:
Красавица, хозяйка, ранняя вдова...
Как быстро полыхнуло жизни многоцветье —
Ведь жили краски, мысли, чувства и слова!

Скользнул с плеча конец лавандового шарфа.
К вечерне вновь позвал нас колокол в селе.
Ах, бабушка моя, исчезнувшая Марфа!
Я проросла тобой в Просечьенской земле.

* * *

Я с зеркалом поссорилась давно —
В нём поселилась женщина чужая.
Мы с ней живём, друг другу не мешая,
Но я её не знаю всё равно.

Я на неё смотрю, едва дыша.
Я ей не нравлюсь — это очевидно.
Но быть похожей на неё обидно:
Она немолода, нехороша.

Конечно, я не очень-то юна,
Но, думаю, той женщины моложе.
И, без сомнения, свежее кожа
И вовсе незаметна седина.

* * *

Вновь созреет для птиц земляника в траве,
Одуванчик зажжёт поминальные свечи,
И зачахшая груша, подобно вдове,
Над колодцем зацветшим склонит свои плечи.

Зашуршат камыши там, где был водопой,
И рассыплется мост меж двумя берегами,
И сольётся трава над ненужной тропой,
И пустые дворы порастут сорняками.

И созреет в траве земляника для птиц,
Одуванчик зажжёт свои бледные свечи...
Как смиренны светильники ангельских лиц
И за нас перед Богом молящие речи.

СЕРГЕЙ ФИЛАТОВ

* * *

Бережёного Бог... И меня не сберёг.
Время лечит забвеньем, но память жива.
От российских дорог... до библейских дорог
у небес — синева, синева...

Здесь течёт и не знает своих берегов
“по бескрайним просторам отчизны своей”
немосковское время вселенских снегов
в вереницах полей.

Здесь тачат сапоги и пекут пироги,
и тальянка “заводит” вдали за рекой.
Всё моё здесь: и дом, и долги, и враги...
И обещанный вечный покой.

* * *

Рядов торговых линии: народу — как людей..
И лагерною лирикой пропитан летний день.

Пельменно-чебуречная теснится суета.
Продажная, сердешная Россия без креста...

Торговка пышногрудая! полей бескрайних ширь!..
Ах, безграничность русская!.. Эх, широта души!.. —

Как птенчик малый сжалась вся. Душа у ней болит.
И песней сердце жалобит нарочный инвалид:

“Уж мы в Чечне, в Афгане ли... на первой мировой...
Пять лет не мылся в бане я... слав Богу, что живой...”

На землю шапка брошена... Затёртые рубли...
Зачем ты просишь, родина, несбыточной любви?

г. Омск

ФИРСОВА КСЕНИЯ

ЦВЕТЫ НА ОБОЧИНЕ

1

Чуть слышно лиловый окликнет багряный.
Чуть громче багряный окликнет лиловый.
Подхватит сиреневый певчее слово
В созвучье оттенков, неярких и пряных.

Где красный, любя, уживается с синим.
Где белый на желтый пушинку роняет,
Со слабым невинно соседствует сильный
И всех меж собою, зеленый, равняет.

И малая птаха, на травах качаясь,
Катает в гортани жемчужные блески
Марьянника, вейника и молочая,
Вербейника, сныти, кукушкиной слезки.

Летят лепестки на асфальт закопченный...
Восходит опять из бутонов и почек
Двужильная нежность российских обочин.
Покорная стойкость любви обреченной.

2

Я вчера по пути увидела лопух у забора.
Он из глины пророс и веселого глупого сора:
Из бумажек цветных, из железок бесформенно ржавых.
Я спешила... Но что-то в его очертаньях меня задержало.
В одичалом углу одиночеством веяло мгlistым.
Но, упрямо паря над убогой тропой бытия,
Он крылато расправил овальные жесткие листья,
Он почти что взлетел! И надолго задумалась я...

г. Великий Новгород

ЮРИЙ ХРЕНОВ

СТАЛИН

Ну что тут спорить: вождь или народ
Врага низвергнул в той войне кровавой?
Без командира даже взвод не взвод.
Не Пётр ли вдохновил нас под Полтавой?
 Без Дмитрия Донского кто полки
 Привёл бы в пекло поля Куликова?
 Не выкинуть из песни ни строки,
 А из строки, бывает, даже слова.
Мы говорим “Кутузов” — и встаёт
В глазах война двенадцатого года.
Тогда ведь тоже победил народ.
Но есть лицо святое для народа.
 Народ и вождь... Ну как их разделить?
 Вожди — они в истории, как вехи.
 И если нам при нём случилось жить —
 Как позабыть об этом человеке?
В войне, конечно, победил народ.
Ему по праву быть на пьедестале.
Но никогда никто не зачеркнёт:
Народ к Победе вёл Иосиф Сталин!

* * *

Нужен народу вождь,
Как огороду дождь.
Иначе зачахнет народ,
Как без дождя огород,
И превратится в сброд.
 Чтобы жила страна,
 Цель для страны нужна:
 Без ясной цели страна
 Случаю отдана,
 Хаосу обречена.

Скажите вы мне теперь:
У нас-то какая цель?
Что сплачивает нас —
Его, и меня, и вас?
Куда мы идём сейчас?
Села страна на мель,
Когда потеряла цель,
И, как огород дождя,
Ждёт своего вождя.
Ждёт его столько лет.
Нет всё его и нет!

КУКЛОВОДАМ

С народом шутки плохи:
Однажды он взбрыкнёт,
И тот, кто шутит, ноги
Едва ли унесёт.
Законные монархи,
Всесильные вчера,
Кончали жизнь на плахе
Под взмахом топора.
С народом шутки плохи:
Он, если и молчит,
Всегда, во все эпохи
Историю творит.
Отлились год за годом
Нетленные азы:
Молчание народа —
Предвестие грозы...

*Поздравляем нашего друга, поэта
и главного редактора журнала “Российская Федерация сегодня”
Юрия Алексеевича Хренова с 70-летием!*